

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ПОРОГОМ: БАЗОВЫЕ КРИЗИСЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА

Десягин М.Г.

*Кто не знает, куда плывет,
Тому нет попутного ветра.
Сенека*

При всей своей эффектности глобальный финансовый кризис – лишь внешнее проявление значительно более глубокого и масштабного, практически всеобъемлющего изменения человечества, подобно тому, как высыпания на коже свидетельствуют иногда о глубочайших внутренних изменениях организма.

Человечество начало глобальный переход к качественно новому состоянию, к принципиальной иной организации самого человеческого общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя.

Этот переход осуществляется по целому ряду различных направлений и воспринимается нами как волна разнообразных и слабо (либо вовсе не) связанных друг с другом кризисов. Между тем не только их взаимодействие, но и взаимосвязь их на принципиальном уровне представляются очевидными. Нежелание наше обнажить и исследовать эту взаимосвязь вызвано не только все еще отраслевым характером знания (жестко разграничивающим разные его направления и противодействующим тем самым комплексному подходу), но и страхом обнаружить, что кризисы носят более глубокий характер и требуют от нас больших изменений, чем те, которые мы готовы признать.

В результате все мы не только «не видим за деревьями леса», но и боимся его увидеть, так как подозреваем, что он будет для нас неудобен,

опасен и потребует от нас жертв, о которых мы не хотим думать.

Эта естественная человеческая слабость обесмысливает всю антикризисную политику: не желая думать о направлении перехода человечества (и, кстати, не желая признавать даже сам факт этого перехода), управляющие системы подчиняют все свои усилия заведомо обреченным на неудачу попыткам вернуться в прошлое, войти второй раз в привычную, удобную и хорошо изученную реку. В результате объективно обусловленные изменения удастся в лучшем случае лишь слегка притормозить.

Развитая часть человечества, уверовав в неизменность роста своего благосостояния, категорически не хочет даже признавать главной задачи современного человечества, поставленной перед ним всем объективным ходом его развития. Эта задача состоит в том, чтобы определить направление комплексного перехода, в котором оно находится, выявить характеристики следующей «зоны стабильности» и соотнести все свои действия с задачей наиболее быстрого и безболезненного достижения этой зоны (а при возможности – и ее гуманитарной трансформации).

Это самовлюбленное нежелание считается с объективным характером собственного развития дает России нежданное конкурентное преимущество. Ведь, даже только приступив к решению этой задачи, она, в каком бы плачевном состоянии

ни находилось бы ее внутреннее устройство, станет интеллектуальным лидером современного человечества. Соответственно, она сможет заняться наиболее выгодным бизнесом: насаждением максимально соответствующих собственным интересам норм и стандартов поведения (после краха коммунистической идеологии этот бизнес был монополией США, во многом обусловившей их могущество и благосостояние).

Данный доклад представляет собой попытку начать этот интеллектуальный процесс, описав в традиционном понимании – как кризисы – основные направления перехода современного человечества.

Следующие задачи, остающиеся за рамками настоящего доклада, заключаются в анализе взаимодействия описанных кризисов и, затем, в изучении взаимодействия их возможных результатов, которое и создаст будущую «зону стабильности».

Существенно, что, поскольку мы находимся лишь в самом начале этого пути, мы можем выделить лишь некоторые его направления. Они проявляются первыми и сегодня кажутся нам ключевыми, возможно, лишь в силу своей очевидности и наглядности. Нет никакой гарантии того, что через некоторое время, по мере прояснения общей картины, они не окажутся второстепенными или даже вовсе случайными, не имеющими прямого отношения к разворачивающимся фундаментальным процессам, и к этому надо быть готовым.

1. Информационная революция ломает системы управления

Организация человеческого общества определяется системой его управления – или на уровне, с одной стороны, местных сообществ, а с другой, всего человечества в целом, – его самоуправления.

Между тем система его управления оказывается все менее дееспособной: ее вполне наглядно разрушает сам технологический прогресс, в наиболее общем виде – информационная революция.

1.1. Второй кризис Гуттенберга

Прежде всего, информационный взрыв уже второй раз в истории человечества (после изобретения книгопечатания Гуттенбергом) качественно увеличил объем имеющейся информации. Соответственно, качественно же увеличилось и количество людей, самостоятельно задумывающихся на абстрактные (то есть не имеющие отношения к текущим нуждам практического выживания) темы. *Существенно, что эти самостоятельно мыслящие люди из-за ограниченности своих знаний, как правило, приходят к ошибочным*

выводам, – однако переубедить их в этом устаревшая система управления не может, что является одним из проявлений ее кризиса.

Как и во времена развития книгопечатания, сложившиеся в прошлой реальности системы управления (включая официальную науку, выродившуюся из поиска новых истин в подтверждения нюансов истин старых) не могут переработать такой объем информации и «переварить» такую массу относительно самостоятельных людей. В результате они начинают «сбоить», вызывая общественные катаклизмы, в горнилах которых и выковывается новая система организации человеческого общества. *В прошлый раз это были чудовищные религиозные войны (в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо), увенчавшиеся Вестфальским миром, выработавшим современный тип государства.*

Как будут развиваться текущие события, пока не ясно – ясно лишь, что основные предпосылки для реформирования человеческого общества уже сложились.

1.2. Логика теряет значение

Повсеместное применение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением, основанным не на последовательных логических умозаключениях, а на озарениях, на мышлении не тезисами, но образами.

Ведь компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, недоступного человеку, – примерно так же, как калькулятор доводит до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил. Мы еще застали время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, – чтобы школьники сами научились умножать и делить в столбик. Но сегодня это умение практически не нужно: эту работу значительно лучше и надежнее человека выполняет калькулятор, а нам остается лишь правильно сформулировать задачу.

То же самое, что калькулятор сделал с арифметикой, компьютер уже в обозримом будущем, – скорее всего, в ближайшее десятилетие – сделает с формальной логикой как таковой.

Эпитафия изобретателя знаменитого пистолета гласит: «Господь бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными». Компьютер, как когда-то кольт, уравнивает людей, – не по физическим силам, но по доступу к информации. Вскоре он уравнивает их и по логическим способностям.

Это будет означать, что на долю человека выпадет недоступная компьютеру компонента мышления – мышление не логическое, но творческое,

Точка зрения

и конкуренция людей в рамках тех или иных коллективов и обществ будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления.

Соответственно, наибольшего успеха в конкуренции – как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать творческие люди и коллективы, в которых их доля будет максимальна, а сами они будут играть наиболее значимую роль.

И все бы ничего – согласитесь, что предыдущий абзац звучит вполне невинно и политкорректно, – если бы не общеизвестный медицинский факт: творческие люди по типу своей психологической организации, как правило, являются шизоидами.

Да, конечно, совершенно не шизофрениками, – это совершенно разные вещи, – но для творческого труда максимально приспособлен, скажем так, неуравновешенный тип личности.

И простые статистические данные о характере и жизненном пути творческих людей в самых разных сферах общественной жизни это весьма убедительно подтверждают.

А теперь напомним, что ночной кошмар любого управленца: трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов, – станет в условиях недалекого будущего наиболее эффективным и наиболее конкурентоспособным!

Понятно, что сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности, в принципе не приспособлены для таких ситуаций, – и потому кардинальным образом изменятся. И, поскольку именно система управления непосредственно задает принципы организации человеческого общества, принципиальное изменение ее характера будет означать и принципиальное изменение самого общества!

Интересен гендерный аспект рассмотренного процесса: наличие двух выраженных типов мышления – мужского, ориентирующегося в основном на формальную логику, и женского, оперирующего преимущественно образами (что отражает афоризм «мужчина узнает, женщина знает»). Качественное повышение роли творческого, образного мышления автоматически повысит и социальную роль женщины, – возможно, вплоть до завершения периода мужского доминирования и возникновения второго матриархата.

1.3. Биологизация социального развития

Способности к творчеству в значительно большей степени, чем традиционно значимые для конкуренции внутри человеческого общества способности к обучению и формальной логике, определяются врожденными свойствами.

Их тоже можно развивать, – но в существенно меньшей степени, чем логические способности и способность оперировать теми или иными фактами. Роль генетического фактора в способности к творчеству значительно выше социального, – и, значит, конкуренция людей между собой и социальный статус каждого из них в значительно большей, чем раньше, степени будет определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами.

Снижение значения социальных факторов при росте значения факторов сугубо биологических для такого «общественного животного», каким является человек, означает принципиальное изменение самого его облика.

Противоречие между социальным статусом отдельного человека и его принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте, с одной стороны, и его личными способностями, с другой, будет качественно усилено.

Понятно, что все силы общества будут брошены на пробуждение в детях творческих способностей, – и на этом пути будут достигнуты, вероятно, фантастические, непредставимые для нас сегодня успехи, – но суть изменения не вызывает сомнений: социальная конкуренция, социальный отбор будут вестись на базе биологических по своей сути параметров.

Отдельный человек в значительно меньшей степени, чем сегодня, будет «творцом своей судьбы».

Произойдет «биологизация» человеческого общества; врожденная способность (или неспособность) к творчеству будет определять социальный статус молодого человека больше богатства (или бедности) его родителей.

Профессиональная специализация людей во многом начнет определяться их сугубо биологическими факторами, и человеческое общество начнет напоминать муравейник или другой коллектив насекомых, где место каждого определено от рождения, а значение собственной свободной воли значительно меньше, чем мы привыкли считать достойным для себя.

Открытым вопросом представляется соотношение биологического и социального в социальной конкуренции. Очевидно, что более успешные и более обеспеченные люди, сформировав новую элиту, будут защищать высокий социальный статус своих детей вне зависимости от их творческих способностей. Им помогут биотехнологии, повышающие способности человека (и продолжительность его активной жизни), недоступные для социальных низов из-за высокой стоимости и «культурного барьера» (необходимости осознания ценности собственной жизни

для заботы о ней; элиты обычно стремятся к ограничению самосознания управляемых – как для поддержания своей власти над ними, так и для упрощения процесса управления).

Если биотехнологии не смогут пробуждать творческие способности, эта социальная система будет неустойчивой из-за неизбежной деградации творческого (то есть наиболее значимого) потенциала элит. Изъятие из социальных низов творческих людей и принятие их в элиты (по принципу современных США) не решит проблему, так как наиболее значимые позиции будут заняты деградирующими представителями «старой» элиты. Творческие же люди, рекрутируемые «из низов», будут оставаться не более чем высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что достаточно быстро превратит их в контрэлиту, которая в борьбе за власть сможет опереться на массы, из которых ее представители недавно вышли (возможно, примером этого является Барак Обама).

Если же биотехнологии смогут пробуждать в людях творческие способности в нужных системе управления масштабах, они будут применяться к детям элиты, которая освободится от всякой зависимости от основной части общества и «зауклится». Ее задачей будет поддержание жизнеспособности лишь небольшой части общества, нужной для его жизнеобеспечения; остальная масса людей будет биологизироваться, теряя человеческий облик, по образцам, наблюдаемым в трущобах мегаполисов Африки и Латинской Америки, превращаясь из «человека разумного» в «человека фавел», жизнь сообществ которого описывается не социальными, но биологическими характеристиками.

При этом мышление этой части людей (а также значительной части систем управления) также перестанет быть логическим, – но вместо творческого будет становиться преимущественно магическим, что, строго говоря, мы видим не только в Африке и Латинской Америке, но и в нашей собственной стране.

Существенна комфортность магического типа сознания: обладающие им люди просто верят, не затрудняясь сложными (а часто и не имеющих ответов) вопросами и находясь в постоянном (весьма психологически приятном) состоянии озарения (которое уже стало полноправной частью официального прогнозирования в виде «форсайта»).

Становящееся магическим массовое сознание требует ритуалов – и во многих корпорациях мира уже наблюдается часто прямое копирование ритуалов рыцарских орденов.

Социально-экономическое прогнозирование во многом вылилось в набор заклинаний, напоминающий шаманизм.

В политике становящееся магическим массовое сознание требует появления лидера, по своему архетипу являющемуся «магом», решающим проблемы внелогическим и не поддающимся прогнозированию образом, «явлением чуда» (это особенно верно для России; Горбачев по своему архетипу был «Прометеем», несущим новые истины, Ельцин и Путин были героями, Медведев как не выдвигавшийся народом лидер не относится к одному из классических архетипов вообще).

Характерно, что церкви будут всемерно содействовать становлению «магической политики», если ожидаемые и являемые (что требует минимальных технических приспособлений) чудеса будут носить выраженный религиозный характер.

Потребность породит функцию: такие лидеры со временем появятся (что не может не пугать, так как «магом» по своему архетипу был, например, Гитлер, – и его режим обладал именно магическим образом).

Интересно, что современные технологии (в особенности социальные сети Интернета) многократно усиливают воздействие именно на магический, не критический по определению тип сознания.

При развитии событий по данному сценарию произойдет разделение человечества на расу господ, расу обслуживающего персонала и расу утилизируемого избыточного человеческого материала (опыт этого поставлен на территории Советского Союза, в первую очередь в России), однако по социальным причинам такая система вряд ли сможет просуществовать достаточно долго: вторичная социализация «человека фавел» выйдет из-под контроля расы господ и, скорее всего, уничтожит ее.

Единство человечества при этом будет восстановлено, как и при всяком нашествии варваров, ценой утраты производственных и социальных технологий, а также резким снижением уровня гуманизации общества.

1.4. Технологически обусловленная десоциализация

Принципиально важным отличием информационных технологий от предшествующим им индустриальных является их качественно более высокая производительность, имеющая внятные социальные последствия.

Индустриальные технологии, нуждаясь в силу своей относительно невысокой производительности в максимальном вовлечении в производство

Точка зрения

всех членов общества (и даже членов зависимых обществ), являются объективным инструментом социализации. Да, эта социализация насильственна и принудительна, относительно примитивна, основана на унификации личностей, нивелированию их отличий и потому объективно способствует возникновению массового общества, а то и тоталитаризма.

Однако это – исторически приемлемая цена за формирование относительно благополучного «среднего класса», за «благосостояние для почти всех», за «общество двух третей». Каждый человек – ценнейший ресурс производства, и его надо включить в этот процесс, выучив его, усмирив его животные инстинкты и дав ему комфортную систему мотиваций.

Совершенно иную социальную среду порождают информационные технологии. Для их функционирования нужна элита, обеспечивающая управление, научные исследования и культурную среду, а также относительно небольшое количество людей, непосредственно обеспечивающих функционирование общества.

Все остальные – добрые три четверти населения (их доля зависит как от уровня технологического развития общества, так и от национальной культуры) – оказываются лишними в прямом смысле этого слова: эффективное развитие общества объективно требует их эффективной утилизации, если и не физической, то хотя бы социальной.

«Средний класс» размывается, его члены превращаются в люмпенов и деградируют до полной десоциализации и превращения в живых объектов, живущих в соответствии с биологическими, а не социальными законами. Мы видим разные стадии этого чудовищного процесса на постсоветском пространстве, в Восточной Европе и в Латинской Америке, а в последнее десятилетие присутствуем при погружении в него США и, в меньшей степени, «старой» Европы.

Перспективы и динамика этого процесса непонятны, однако нет сомнений, что глобальный финансовый кризис станет, помимо прочего, могильщиком традиционного «среднего класса» индустриальных обществ.

Национально-освободительные революции XX века (включая Великую Октябрьскую) были проявлениями шедшей в масштабах человечества «революции масс» – политического следствия формирования конвейерного индустриального производства в глобальном масштабе. В социальной сфере эта революция (и капитализм с социализмом были диалектически разделенным, но единым инструментом решения этой задачи) создала массовый

«средний класс» и «общество всеобщего благосостояния».

Либералистическая революция, начатая Тэтчер и Рейганом, стала проявлением «революции (а точнее, контрреволюции) элит» – политического следствия распространения информационных технологий. В социальной сфере она означает прогрессирующую десоциализацию, границы и сдерживающие факторы которой пока не понятны. Однако суть этого процесса – уничтожение прежних «масс», воспринимаемых элитами в качестве своего непримиримого противника и в их логике подлежащих поэтому уничтожению, если не физическому, то социальному, путем превращения из «масс» в принципиально неспособное не только к революции, но даже к простому восстанию «быдло».

1.5. Технологически обусловленная дезинтеграция

Индустриальные технологии объективно требуют максимальной стандартизации всех факторов производства, включая рабочую силу. В условиях их доминирования главная производственная ценность человека – его стандартные навыки, позволяющие с минимальной адаптацией использовать его на самых разных, опять-таки стандартизированных производствах. Профессиональные навыки, столь же одинаковые, как и типоразмеры изделий, способствуют выработке унифицированной, усредненной культуры.

Это касается и национальных особенностей. Промышленность переваривала работников разных национальностей, стирая в своих цехах их культурные различия и переплавляя их в единую классовую общность. Идеология интернационализма отражала этот процесс и, выражая потребность производства в стирании национальных различий, мешающих созданию стандартизированной рабочей силы, была прогрессивной для индустриальной эпохи.

Возникновение и распространение постиндустриального, информационного технологического базиса меняет ситуацию на наших глазах.

Наиболее востребованными становятся (хотя в целом еще не стали) не стандартные навыки механической работы, но творческие способности. Главное условие успеха – не общие черты, обеспечивающие выполнение стандартной работы, но именно отличия.

Да, способность «выделиться из общей массы» давала конкурентные преимущества и раньше, – но в индустриальных условиях спрос на индивидуальность был невелик. Преуспеть могли лишь немногие выделившиеся, а для остальных просто не оставалось места, и они были обречены

на отторжение и либо люмпенизацию, либо возвращение в ряды стандартизированной рабочей силы.

Постиндустриальные технологии качественно расширили потребность в отличиях и превратили особенность не только в главное, но и в общедоступное, встречающее массовый спрос конкурентное преимущество.

Во многом этому способствовало упрощение коммуникаций, позволившее ориентироваться на почти сколь угодно маргинальный спрос, так как потребителей можно выискивать в масштабах всего человечества. Теперь почти любой товар может найти спрос – и это усиливает рыночное влияние производителей (так как производимое ими «и так возьмут») и способствует превращению рынков в «рынки продавцов», что ведет к «загниванию» производителей, освобождающихся от давления требовательной части покупателей.

Это касается рабочей силы так же, как и остальных товаров.

Если в индустриальном производстве интересы ее конкурентоспособности требовали стирания отличий, в том числе и национальных, то теперь они требуют противоположного: культивирования этих отличий.

Эта потребность разрушает общества в их традиционном понимании, в первую очередь мультинациональные, так как потребность в отличиях находит прежде всего этнокультурное выражение.

Непонятно, как сохранять (и можно ли вообще сохранить) целостность обществ в условиях объективно провоцируемого информационными технологиями роста сепаратизма всех видов (не только национального и религиозного, но и культурного, связанного с любыми меньшинствами как таковыми, вплоть до сексуальных).

2. Технологии формирования сознания: незамеченная суть глобализации

Существенно, что в ходе глобализации возник и по-настоящему уникальный феномен, который не проявлялся никогда раньше, за всю наблюдаемую историю человечества.

Те же самые технологии, которые максимально упростили все виды человеческой коммуникации (что, собственно, и лежит в основе феномена глобализации), обеспечили превращение в наиболее выгодный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания. «Общедоступный» и одновременно «наиболее выгодный» – означает массовый и, строго говоря, основной вид деятельности если и не всего человечества, то, по крайней мере, его развитой и успешно развивающейся частей.

Это качественное изменение почему-то, как правило, упускается из виду теоретиками глобализации, – а между тем оно представляется фундаментальным. Оно меняет сам характер человеческого развития: если раньше, на всем протяжении своего существования человечество выживало и развивалось за счет преобразования окружающей среды, то теперь оно впервые начинает – по крайней мере, пытаться выживать и развиваться за счет изменения самого себя.

Да, экологи, возможно, взвоят от восторга: человечество, вероятно, ощутив приближающиеся пределы допустимого антропогенного воздействия на природную среду, начало само приспособлять себя к ней, – это еще больший триумф природоохранного подхода, чем добровольный массовый отказ от благ цивилизации.

Однако не стоит забывать, что формирование человеческого сознания на всех уровнях его существования – от индивидуального до, по крайней мере, группового, – осуществляется стихийно, хаотично и, строго говоря, случайно. И степень не просто соответствия сформированного таким образом сознания реальности, то есть степень его адекватности, но даже степень его простой устойчивости, строго говоря, неизвестна.

2.1. Снижение социальной значимости знания

Вероятная утрата или, по крайней мере, существенное ограничение способности человечества к познанию – так как главным объектом хаотического и случайного воздействия становится, строго говоря, непосредственный инструмент этого познания, – ставит серьезный вопрос о самих перспективах существования человечества.

Можно, конечно, представить себе, что функции познания и сознательного реагирования поднимаются на более высокий уровень, чем индивидуальное или групповое сознание, – сознание крупных коллективов и даже народов, граничащее с введенным Вернадским понятием «ноосферы». Отдельный человек теоретически может быть элементом мыслительного контура такого коллективного сознания и в то же время совершенно не замечать и не воспринимать его. Собственное сознательное значение отдельного человека для всего человечества в рамках такой гипотезы может быть ограничено генерированием эмоций – функция, к выполнению которой человек наиболее приспособлен по своим психофизиологическим характеристикам и которая, возможно, является его подлинной миссией с точки зрения всего мироздания.

Однако эта гипотеза не просто слишком смела, но и принципиально недоказуема, а вот вполне доказуемое и, более того, повсеместно наблюдаемое

Точка зрения

следствие стремительного и повсеместного распространения технологий формирования сознания – драматическое снижение социальной значимости знания.

На протяжении последних веков – как минимум с начала эпохи Просвещения – овладение знаниями, получение новой информации об окружающем мире было если не непременным условием, то во всяком случае одним из ключевых и наиболее надежных способов повышения социального статуса.

Поразительно, но мы, похоже, не заметили, что уже почти два десятка лет назад глобализация отменила это правило. И сегодня возможности социального подъема людей, занимающихся именно получением и освоением новых знаний, хотя в разных обществах и различны, но даже там, где в целом высоки, все равно достаточно ограничены.

Они не могут стать ни Сахаровыми и Ландау, с личными мнениями которых приходилось считаться генсекам, ни Беллами и Эдисонами, ставшими богатыми символами своего времени. Человеческая деятельность стала настолько специализированной, что достижение социального успеха отвлекает слишком много сил и времени и превратилось в отдельное самостоятельное занятие, уже почти не совместимое с осознанием окружающего мира.

Фундаментальная причина этого (разумеется, помимо упомянутой выше дезорганизации человеческого сознания из-за превращения его в объект массового хаотического воздействия) – резкая интенсификация коммуникаций, связанная с глобализацией: вы либо постигаете истину, либо реализуете уже постигнутое кем-то помимо вас, переводя его в материальные либо социальные ценности. Это два разных вида деятельности, и успешно совмещать их крайне сложно; немногие исключения, как обычно, лишь подчеркивают правило.

Самоотверженное постижение истины переродилось в обслуживание общественных интересов при помощи сложнейшим образом построенных ритуалов и неформальных, но от этого не менее циничных и пренебрегающих познанием мира согласований. Это необходимо, но это не является инструментом технологического прогресса. И, несмотря на активное освоение существующих технологий, в том числе влияющих на общественные отношения (Интернет, мобильная связь), глобализация стала уникальным временем в том смысле, что практически не появляется качественно новых технологических принципов.

Это вызвано в том числе изменением механизмов социального успеха: его достижение

в условиях упрощения коммуникаций и резкого роста их масштабов требует прежде всего грамотной социальной коммуникации, умения правильно вращаться в правильно выбранных сообществах, – а поиск истины как таковой лишь отвлекает, отнимает время и силы у этого ключевого занятия.

В результате происходит жесткий отбор: кто-то специализируется на постижении знаний, кто-то – на достижении социального успеха, которое не требует теперь даже простого паразитирования на добываемых кем-то знаниях. Подобная специализация слишком глубока – она отнимает у человека, являющегося по природе относительно универсальным существом, слишком много человеческого.

С другой стороны, мы видим, что знание усложнилось и специализировалось настолько, что процесс его получения и даже усвоения требует от человека слишком больших усилий, практически несовместимых с существенным повышением его социального статуса. Грубо говоря, вы тратите время либо на успех в обществе, либо на получение новых знаний. И на то и на другое одновременно вполне объективно не хватает ни времени, ни сил.

Ситуация усугубляется изменением основной функции образования, в том числе и высшего. В силу растущей десоциализации (технологические причины которой описаны выше) ею, как в XIX веке и как в массовом образовании XX века, становится обеспечение покорности, социальный контроль за основной массой населения развитых обществ.

Даже в науке произошло четкое разделение на администраторов, управляющих ресурсами и направляющих исследования, и самих исследователей, непосредственно пытающихся получать новые знания.

В результате знание, наука становятся социальными малозначимыми, а подготовка решений, в том числе важнейших государственных, все больше основывается на эмоциях и предрассудках, а не на фактах.

Буквально на наших глазах в последние пятнадцать лет наука трансформировалась из поиска истины в сложный социальный ритуал, красивый и изощренный, но вполне бесполезный с точки зрения общественного развития. На поверхности это ярче всего проявляется в финансировании на основе грантов, требующих заранее предсказуемого результата, в угасании прорывных исследований и в раздувании разного рода «панам» (от торсионных полей до водородной энергетики). Во всем мире официальная наука превратилась в сложный

административный организм, даже в новый социальный уклад – не менее важный для национальных самосознаний, чем социальный уклад французских крестьян в 50-70-е годы XX века, – но в большинстве случаев еще менее полезный.

При этом фундаментальная наука, будучи задушенной или вулгаризированной, больше не восстанавливается. Фундаментальная наука, задушенная Гитлером за длительность и непредсказуемость результата, так и не возродилась в (послевоенной) Германии, несмотря на титанические усилия. После физического вымирания еще уцелевших ученых (не путать с администраторами от науки) погибнет и русская наука времен СССР. И в мире останутся только фундаментальная наука США и отдельные школы, действующие в Великобритании, – маловато для продвижения человечества и вдобавок слишком легко блокируемо глобальными монополиями, далеко не всегда заинтересованными в технологическом прогрессе.

Кризис науки маскирует собой поистине чудовищный факт: наука как таковая перестала быть главной производительной силой.

Это шокирует, но это так.

Причина проста и фундаментальна: с началом глобализации (и именно это, а не смс-сообщения и порносайты, сделало глобализацию вехой в истории) человечество перенесло центр приложения своих сил с изменения мира на изменение самого себя – в первую очередь, своего собственного сознания.

Предметом труда, подлежащим изменению, все меньше становится окружающий мир и все больше – человеческое сознание. Соответственно, и производство во все большей степени – изготовление уже не материальных предметов или, как переходного этапа, услуг, но создание и поддержание определенных, в той или иной степени заранее заданных состояний человеческого сознания.

Чтобы менять мир (в том числе и социальную его составляющую), надо было его знать – и наука, обеспечивавшая это знание, была важнейшим инструментом человечества.

Однако сегодня надо менять уже не весь мир, но его относительно небольшую и отнюдь не всеобъемлющую часть – самого человека. Причем на современном этапе пока еще даже не всего человека, а лишь его сознание. И, соответственно, сфера первоочередной значимости резко сжалась с науки, изучающей все сущее, до относительно узкого круга людей, изучающих человеческое сознание и методы работы с ним. При этом надо учитывать, что в силу специфики предмета (объектом изучения является сам инструмент

этого изучения – сознание человека) среди работающих с человеческим сознанием слишком мало ученых и слишком много узких практиков, ограниченных своей ориентацией на достижение конкретного результата. С другой стороны, их способности к познанию ограничены не только узко практической направленностью их деятельности, но и направленностью последней в том числе и на их собственное сознание, которое непрерывно трансформируется в соответствии с текущими управленческими и производственными процессами, но отнюдь не в соответствии с объективной истиной, лежащей, как правило, далеко за рамками этих процессов.

В итоге социальный подъем обеспечивается уже не овладением актуальными знаниями как таковыми и даже не приращением их, а относительно простыми манипулятивными способностями, в том числе и достаточно примитивными, известными полицейским всего мира под названием «синдром честного мошенника».

По сути дела, это закрытие научно-технической революции, в 50-е годы уже прошлого века кардинально изменившей мир, и, более того, резкое торможение роста возможностей человечества.

Вероятно, таким образом проявляется инстинкт коллективного самосохранения: возможности человечества по изменению мира настолько обогнали его способность осмысливать последствия своих действий, что возникла объективная потребность, как выразился по другому поводу канцлер Горчаков, «сосредоточиться».

Возможно, человечество модернизирует свои инструменты познания и сможет вновь вернуться к относительно осмысленному развитию.

Но это будет, как представляется сейчас, отнюдь не линейный и безболезненный процесс, и время, в течение которого он будет разворачиваться, еще предстоит прожить.

Хотя новые технологии добытия и освоения знаний в свое время исправят положение, в настоящее время мы погружаемся в новое средневековье, новое варварство, в котором социальный успех, а значит, и власть становятся уделом людей, последовательно (а порой и сознательно) пренебрегающих знаниями.

Одним из практических следствий снижения социальной значимости знаний (а также технических знаний по сравнению с гуманитарными) представляется рост числа и разрушительности техногенных аварий¹. Причина этого – не только утрата необходимых для эксплуатации имеющихся технологических систем знаний и специалистов, но и снижение авторитета соответствующих специалистов в глазах представителей общественного

Точка зрения

управления, что вызовет пренебрежение их мнением. *Классический пример техногенной катастрофы, вызванной вторым фактором, – наводнение в Новом Орлеане: местные власти 20 лет предупреждали руководство страны, что дамбу смоеет, но те не реагировали, пока ее действительно не смыло.*

2.2. Перерождение управляющих систем

Вынужденное использование современными системами управления технологий формирования сознания (как наиболее эффективных технологий управления), к которым они органически не приспособлены, ведет не просто к снижению эффективности, но и к глубокому перерождению этих систем управления.

Влияние используемых ими технологий формирования сознания отрывают их от повседневной реальности, в том числе касающейся управляемых ими масс людей, сохраняя в неприкосновенности личные интересы людей, образующих эти системы.

Упрощение же коммуникаций, сплывая представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) на основе общности личных интересов и образа жизни, способствует созданию глобального класса собственников и управленцев. Он противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи), но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс (интернациональная олигархия, или «новые кочевники») не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств. Он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более, территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в его интересах, в интересах «новых кочевников» – глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Соответственно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет

их прямого подавления), что выглядит как резкое снижение эффективности.

На деле же, по-видимому, происходит повышение эффективности при кардинальной смене мотивации.

Конкретные последствия этого с точки зрения традиционного государственного и корпоративного управления (а также самоуправления на глобальном и местном уровне) многообразны; наиболее значимыми представляются следующие:

- самопрограммирование: управленец и система управления в целом, убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания – прежде всего убеждение), неминуемо убеждают в этом и себя, – и теряют адекватность;

- уверование в собственную пропаганду, даже если в начале ее осуществления управленцы и система управления в целом сознавали ее недостоверность;

- переход от управления изменением реальности к управлению изменением ее восприятия;

- отказ от восприятия реальности в пользу восприятия ее информационного отражения (в первую очередь в СМИ);

- резкое снижение уровня ответственности: работая с телевизионной «картинкой» и представлениями, управленец неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет и на реальную жизнь людей. (При этом безответственность распространяется в обществе. Ведь эффективность технологий формирования сознания повышает влияние тех, кто их применяет, а «платы за могущество» нет; человек, формируя сознание других людей, чувствует себя творцом, близким к богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. Безответственность, могущество и радость от работы становятся объектом подражания для членов общества, не имеющих доступа к технологиям формирования сознания: им доступно лишь подражание безответственности.).

Снижение ответственности при эрозии адекватности – поистине гремучая смесь!

С разной степенью остроты описанные последствия наблюдаются почти во всех управляющих системах, включая такие страны с совершенно разными, но еще недавно исключительно эффективными системами управления, как США и Китай, – и везде ведут к драматическому падению качества управления.

Так, для китайского руководства оказались полной неожиданностью не только «тюльпановая революция» в Киргизии (рассматриваемой им как

естественная сфера своего влияния), но и волнения буддистских монахов в Тибете в августе 2008 года. Кроме того, технологический рывок, вынужденно начатый Китаем после завершения Олимпиады-2008 из-за того, что при существующих технологиях Китаю не хватит воды, почвы и энергии, предусматривает замену технологий на более совершенные и менее энергоемкие технологии даже в тех случаях, когда сохранение старых технологий с коммерческой точки зрения является оправданным. В силу своего нерыночного характера этот технологический рывок носит, строго говоря, непредсказуемый характер, что признает часть китайских аналитиков и что было бы нелепо в Китае еще несколько лет назад.

Сокращение внешнеторгового сальдо Китая под влиянием экономического кризиса лишает его возможности поддерживать доллар и вынуждает кредитовать внешнюю торговлю в юанях, создавая тем самым прообраз зоны юаня как минимум в Юго-Восточной Азии. Эти процессы развиваются стихийно, под действием объективной необходимости, а не осмысленного решения (многотлетние дискуссии так и не позволили выработать такого решения), – и почти непредсказуемо, что также свидетельствует о кризисе китайского управления.

Еще более драматическая картина наблюдается в США, стране, еще совсем недавно возведшей искусство стратегического планирования и кризисного управления (то есть управления тем или иным процессом при помощи специально организуемых кризисов) на, казалось бы, недостижимую высоту. Начиная с агрессии против Ирака в 2003 году мы видим постепенную, но неуклонную деградацию этой системы, стремительно – на наших глазах, за 2000-е годы – выродившейся в управление с горизонтом планирования «до следующих президентских выборов». Об этом свидетельствует вся экономическая политика после начала ипотечного кризиса в июле 2006 года, подчиненная единственной цели – не напугав американское общество, оттянуть прокол «ипотечно-деривативного пузыря» и, соответственно, дестабилизацию экономики до президентских выборов 2008 года. Бесспорно, что постановка данной цели заметно усугубила последствия кризиса, – и при этом ее все равно не удалось достигнуть!

2.3. Конец традиционной западной демократии

Удивительно, как быстро летит время.

Понятие демократии сохраняет всю свежесть концептуально нового энергичного призыва, перерождающего, обновляющего и возрождающего

старый затхлый мир и создающего на его основе качественно новую, на порядок более эффективную, чем раньше, систему управления, объединяющую национальные интересы с общечеловеческими.

А ведь основные демократические институты (не говоря уже о принципах) были окончательно созданы более 200 лет назад – в XVIII веке – и с того времени лишь улучшаются и дорабатываются, оставаясь в своей основе неизменными.

Сегодня мы видим, как упрощение коммуникаций и распространение технологий формирования сознания размывают государство – стержень современных демократий.

Существенно и то, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на его элиту – небольшую его часть, участвующую в принятии важных решений или являющуюся примером для подражания. Длительные усилия изменяют сознание элиты, и оно начинает кардинально отличаться от сознания остального общества. Элита отрывается от общества и теряет эффективность. При этом исчезает смысл демократии, так как идеи и представления, рожденные в низах общества, перестают восприниматься элитой, и потенциал демократии съедается до самой элиты.

Проявления двух этих факторов разнообразны.

2.3.1. Разрушительность внешнего управления

Стандартные демократические институты призваны обеспечивать власть и контроль над государством наиболее влиятельной общественной силе. По мере упрощения трансграничных коммуникаций относительно слабые страны все чаще сталкиваются с ситуацией, когда наиболее влиятельными в их обществах оказываются внешние для них силы – будь то иные государства или глобальные корпорации. В результате они вполне демократически, а порой и незаметно для самих себя попадают под внешнее управление.

Несовпадение интересов структур, осуществляющих внешнее управление, с интересами управляемого общества (а то и их прямая противоположность) представляется нормой.

Прежде всего, дисбаланс интересов может вызываться естественным влиянием глобальной конкуренции, то есть стремлением структур, осуществляющих внешнее управление, подавить своих конкурентов из управляемых ими стран или даже не дать им появиться в принципе.

Не менее важная причина – органическое отсутствие у осуществляющих внешнее управление структур каких бы то ни было обязательств перед населением управляемых ими стран. Государства отвечают перед своими, а не чужими гражданами, корпорации – перед своими акционерами,

Точка зрения

а глобальные сети, как будет показано ниже, – и вовсе лишь перед своими непосредственными членами (а иногда и вообще ни перед кем).

Значима и слабость координации между структурами, осуществляющими внешнее управление, – а оно в силу слабости управляемых объектов редко монополизировано какой-либо одной структурой. В результате ряд воздействий, каждое из которых по отдельности является безобидным или даже полезным, в своем случайно возникающем сочетании или последовательности может оказаться разрушительным для управляемого общества.

Классический пример – воздействие на экономически слабые страны МВФ и Мирового банка (при том, что их усилия обычно весьма старательно координируются, и проблема заключается не в полном отсутствии, а лишь в недостаточной согласованности усилий). МВФ в соответствии со своими стандартными рекомендациями пытается обеспечить макроэкономическую стабилизацию мерами, по своей природе исключающими развитие на основе собственного экономического потенциала и в итоге делающими достигнутой стабилизацию неустойчивой. Мировой банк, периодически отчаиваясь дождаться прочной макроэкономической стабилизации (которая, по стандартной экономической теории, служит необходимой предпосылкой помощи развитию), начинает стимулировать экономическое развитие или просто решение наиболее острых социально-экономических проблем (от эпидемий туберкулеза до разрушения инфраструктуры и отсутствия квалифицированно подготовленных законов) своими кредитами, которые в условиях макроэкономической (а значит, и политической) нестабильности в значительной степени разворовываются либо, в лучшем случае, тратятся неэффективно, развивая и укрепляя если не прямо коррупцию, то неэффективное устройство государственного управления.

Именно органической безответственностью внешнего управления и была в первую очередь вызвана стремительная актуализация после распада Советского Союза и разрушения существовавшей в рамках биполярного противостояния системы «сдержек и противовесов» трагического феномена «упавших государств». (Существенно, что поначалу этот аккуратный термин порой сгоряча переводился на русский язык менее политкорректным и более брутальным, но более внятным и дающим более адекватное представление о сути и последствиях явления словосочетанием «конченые страны»).

2.3.2. Безответственность глобальных управляющих сетей

Государства и глобальные корпорации как субъекты глобальной политики все больше уступают свою ведущую роль разнообразным глобальным сетям – в высокой степени неформальным структурам, объединяющим элементы государственного управления, в том числе спецслужбы, гражданского общества и глобальные корпорации (или их элементы), причем влияние и интересы последних отнюдь не обязательно преобладают.

Эти сети формируются «сращиванием», как говорили в старину, элементов государственного управления, бизнеса и преступного мира, а также науки и культуры, причем различные элементы указанных сетей базируются в различных странах.

Управляющие сети такого рода существовали почти всегда, однако новостью последних лет стало постепенное освобождение, «отвязывание» их от интересов сначала доминировавших в них национальных государств и недолгое время (десятилетие между поражением Советского Союза и 11 сентября 2001 года) доминировавших в них интересов коммерческих структур и переориентация таких сетей на реализацию преимущественно собственных интересов, отличных от интересов указанных государств.

Речь не идет о контроле глобальных сетей за относительно слабыми государствами и даже странами, осуществляемым в интересах относительно сильных государств, доминирующих в данных сетях. Управляющие сети, возникающие в относительно слабых странах, традиционно были инструментами влияния на них более сильных государств, – примерами этого полна мировая история.

Сейчас глобальные сети, по крайней мере, на Западе все больше освобождаются от контроля государств как таковых и начинают хаотически манипулировать ими или их отдельными элементами в своих собственных, остающихся не оглашаемыми, а зачастую и вообще не устанавливаемыми формально, интересах.

Довольно внятным примером этой парадоксальной ситуации, когда хвост в полном соответствии с названием культового в профессиональной среде фильма «начинает вилять собакой», представляется самое сильное государство современного мира – США.

Сформированные им глобальные сети, связанные с исламским миром, и в первую очередь Саудовской Аравией, все больше действуют в собственных интересах, слабо связанных с национальными

интересами США. При этом данные сети достаточно эффективно манипулируют остальной частью американского государства, не говоря уже о подверженном внушению интеллектуально и эмоционально незрелом американском обществе. Глобальные сети не могут целиком подчинить себе не входящую в них часть американского государства, но внутреннее столкновение интересов в нем дезорганизует госуправление и представляется важной причиной нынешних проблем США.

Эмансипируясь, отделяясь от государств, глобальные сети больше не отвечают за последствия своей деятельности даже для стран своего «базирования», даже для государств, которыми они создавались и которые они еще недавно считали «своими».

Принципиальное отличие сетей как субъекта управления от государства (и даже от глобальных корпораций, которым категорически нужна стабильность в обширных районах производства и на широких рынках сбыта) заключается в имманентном отсутствии у них ответственности перед обществом. Любое государство поневоле, объективно заинтересовано в стабильности и гражданском мире в своей стране, а сетям, рассматривающим эту страну извне, «со стороны» глобального мироустройства и представляющих собой объединение «новых кочевников» (по классическому определению Ж. Аттали), это не важно. Им нужен рост совокупного влияния и прибыли своих участников, а этих целей гораздо проще достичь не в стабильной ситуации, а в хаосе, «ловя рыбку в мутной воде».

Таким образом, создавая глобальные сети и затем упуская из своих в их руки важные полномочия в сфере общественного управления, государства, даже исключительно сильные и эффективные, сами создают для себя субъект «внешнего управления», пренебрегающий их интересами, как это было показано выше.

Важно, что это освобождение от ответственности не проходит даром и для самих глобальных сетей. Их эмансипация от государства лишает их возможности в полной мере использовать его возможности по стратегическому планированию (от анализа до корректировки внешних процессов), что драматически снижает эффективность не только манипулируемого ими государства, но и их собственной деятельности.

Классический пример – свержение Саддама Хусейна, которое привело к достижению лишь локальной цели – поддержанию высоких цен на нефть, выгодных нефтяным корпорациям США и Саудовской Аравии. Стратегическая задача американской части глобальной сети – обеспечение

прочного контроля за иракскими недрами с возможностью их неконтролируемого и единоличного (или, в крайнем случае, совместно с Великобританией) использования – была провалена. Более того: репутация США понесла невосполнимые потери, а представители глобальной сети в США были не просто дискредитированы, но и утратили власть в 2003 году, что привело к ослаблению США и подрыву всего опирающегося на их глобальное доминирование мирового порядка.

Другая часть глобальной сети – представители элиты Саудовской Аравии – получили в качестве «головной боли» резкое усиление своего ключевого соперника – Ирана, избавившегося от сдерживающего фактора в лице Хусейна. При этом ослабление США (если быть точным, их административно-управленческое и интеллектуальное истощение) в результате их погружения в трясину иракской войны резко затруднило не только военный удар по Ирану, но и его стратегическое сдерживание.

Кровавый хаос в Ираке и его вероятное разделение на три равно недееспособных государства создал многочисленные дополнительные проблемы и помимо возникновения предпосылок для перехода его основной части под контроль Ирана. Достаточно указать на Турцию, получившую ужасающий ее призрак курдского государства, существующего де-факто и неизбежно подлежащего оформлению де-юре в ближайшее десятилетие (причем под влиянием этой угрозы турецкая элита, в начале 1990-х отказавшаяся от пантюркистской экспансии ради благосостояния, может пересмотреть свой выбор).

Но главное – произошла (в том числе и из-за свержения одного из светских режимов в исламских странах) общая глобальная радикализация ислама, что проявилось прежде всего в регионе Ближнего и Среднего Востока. Среди разнообразных следствий свержения Хусейна стоит отдельно упомянуть радикализацию палестинского движения и захват ХАМАС власти в секторе Газа.

Болезненным «эхом» иракского провала США стало ухудшение военного положения НАТО в Афганистане. Наступление талибов постепенно развивается и, по имеющимся аккуратным оценкам американских военных, талибы даже при максимально возможных усилиях США смогут восстановить свой контроль за основной частью Афганистана.

В сочетании с дестабилизацией Пакистана это грозит погружением в кровавый хаос всего Ближнего и Среднего Востока. Становится возможным

Точка зрения

обмен ядерными ударами между Израилем и Ираном, Пакистаном и Индией.

Таким образом, ставшая уже привычной и само собой очевидной для США концепция «экспорта управляемых кризисов» выродилась в «экспорт хаоса» именно в результате перехода части реальных властных полномочий к глобальным сетям.

2.3.3. Сетевые войны требуют ограничения транспарентности

Глобальные монополии, лишившиеся после уничтожения Советского Союза сдерживающей силы в виде биполярного противостояния двух систем, в ходе стихийной и хаотической погони за наживой создали мировой порядок, лишаящий более половины человечества возможности нормального развития. Зарождение же и проявление новой силы, сдерживающей их саморазрушающий произвол, представляется в этих условиях вопросом лишь времени и новых болезненных кризисов.

Интересен с этой точки зрения подход американского политолога Н. Злобина, рассматривающего гражданское общество как основную силу, сдерживающую современное государство и именно за счет этого сдерживания обеспечивающую стабильность общества. Опираясь на ставшие в последние годы традиционными представления о том, что в современном глобализованном мире страны и группы стран занимают роль основных структурных элементов привычного нам общества (есть страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры и так далее), Н. Злобин высказал кощунственную для внешнеполитической религии Запада, но многообещающую с практической точки зрения мысль. С его точки зрения международный терроризм можно рассматривать как стихийное, далеко не полностью развившееся и проявившееся проявление нарождающегося глобального гражданского общества. Как и в случае традиционного, не над- а внутринационального общественного устройства, это глобальное гражданское общество объективно призвано сдерживать глобальное государство, в роли которого выступают США как персонификация коллективного Запада.

Столкновение с гражданским обществом, пусть даже глобальным, приобретает для традиционного государства и его элементов характер комплексного, многоуровневого взаимодействия с сетевыми структурами, в основном самодеятельными, сплетение которых и составляет это гражданское общество. Войны с ним, неизбежные в силу современного состояния развитых стран Запада и неразвитой половины (а то и двух третей)

человечества, неизбежно становятся войнами с сетевыми структурами. Такие войны объективно требуют непубличных, не подлежащих огласке действий – от тайных переговоров до тайных убийств (наподобие осуществлявшихся США во время вьетнамской войны в рамках операции «Феникс», эффективность которой оценивалась вьетнамскими военными исключительно высоко). Понятно, – и это наглядно подтвердила война Израиля против Ливана, – что традиционное демократическое правительство, работающее чуть ли не «под телекамеру», не может осуществлять подобные действия просто технологически.

Таким образом, сетевые войны объективно требуют ограничения демократии в виде ее формальных, созданных Западом институтов. Однако подобное ограничение возможно лишь при условии высокой идеологизации общества или хотя бы его элиты, так как иначе ограничение демократических инструментов неизбежно ведет к коррупции и разложению всей системы общественного управления.

А ведь современная западная демократия не терпит идеологизации и последовательно и целенаправленно уничтожает ее, выбивая тем самым почву из-под своих собственных ног!

2.3.4. От кризиса мотивации – к постдемократии

В развитых странах демократические инструменты в настоящее время способствуют достижению не столько экономического прогресса, сколько личного комфорта граждан. Пока прогресс служит инструментом достижения комфорта, он осуществляется, но по достижении высокого уровня комфорта общество начинает его тормозить, так как коллективные усилия по продолжению прогресса начинают мешать индивидуальному удовольствию от наслаждения комфортом.

Мы видим сегодня это в экономиках развитой части Европы (в частности, в кризисах мотивации, социальной и пенсионной систем) с той же последовательностью и неотвратимостью, что четверть века назад видели в экономике собственной страны.

Более того: как мы видим на примере современных США, даже попытка поддержания экономического и технологического прогресса в современных условиях приобретает вид частичного и непоследовательного, но отказа от данных принципов – в части ограничения свободы СМИ (в том числе самоцензурой) и существенного искажения избирательных процедур.

Причина в том, что демократия в ее западном понимании нежизнеспособна сама по себе, без внешних для нее источников мотиваций – таких, например, как угроза уничтожения в войне с Советским

Союзом. Собственно демократические институты, «оставленные в покое», обречены на погружение в «потреблятьство» из-за обуславливаемого ими приоритета краткосрочных индивидуальных интересов над долгосрочными коллективными.

В этом смысле можно говорить о несоответствии этих институтов современным реалиям и постепенном изживании их наиболее развитым и находящимся поэтому на острие переживаемых человечеством изменений американским обществом. Подобно тому, как неразвитые общества не доросли до стандартных демократических институтов, американское общество, как наиболее развитое, перерастает их, превращаясь на наших глазах в **постдемократию**.

3. Конец глобального монополизма

В предыдущем разделе мы рассмотрели разрушение традиционной западной демократии современными информационными технологиями, делающими управленческую эффективность несовместимой с демократическими ценностями и мотивациями.

Рассмотрение в данном разделе современной глобальной экономической системы отражает – помимо вопросов, связанных с внутренней логикой ее развития и трансформации – и иные, экономические причины разрушения традиционной, западной демократии, что следует учитывать при ознакомлении с нижеследующим текстом.

3.1. Глобальный кризис перепроизводства: как были выиграны полтора десятилетия

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины – исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы над нами в «холодной войне» Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) свыше половины человечества возможности нормального развития. По своим масштабам, глубине и разрушительности преобразований для осваиваемых обществ, но главное – по своему значению для развитых стран, – это была вторая Конкиста: если первая обеспечила ресурсами формирование в них классического капиталистического общества, то вторая технологически, интеллектуально и финансово обеспечила глобализацию.

При этом при помощи глобальной рекламы навязывал этой же части человечества представление о высочайшем уровне потребления развитых стран как о повседневно нормальном и жизненно необходимом. С конца 1990-х годов это существенно усугубило глобальную напряженность,

терроризм и буквально смывающую западную цивилизацию миграцию.

Однако намного быстрее и прежде всего лишение огромной части человечества возможностей развития ограничило сбыт самих развитых стран, создав **кризис перепроизводства** – правда, в первую очередь не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, *high-hume'a*, а не *high-tech'a*.

Дополнительным фактором этого кризиса стало относительное сжатие спроса не в неразвитых, а в самих развитых странах, – за счет технологически обусловленного (как было показано выше) размывания «среднего класса».

Инстинктивно нащупанное в качестве выхода из этого кризиса стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира вызвало в 1997–1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000–2001 годах. США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся депрессии двумя стратегиями.

Первая – «экспорт нестабильности», подрывающей конкурентов и вынуждающей их капиталы и интеллект бежать в «тихую гавань» – США. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих экономику и технологии («военное кейнсианство», эффективно применявшееся Рейганом). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке. Сейчас США дестабилизируют Пакистан, нанося удар по Ирану, рядом с которым возникает новая «зона хаоса», и, главным образом, по Китаю, который лишается своего влияния в Пакистане, строящегося крупнейшего нефтяного порта Гвадар (а с ним и критически значимых поставок иранской нефти), и, вероятно, военной базы. События в Пакистане свидетельствуют о вырождении стратегии «экспорта нестабильности» в контрпродуктивный для экономического развития США «экспорт хаоса»: США даже не пытаются контролировать дестабилизируемые ими территории, став катализатором глобального военно-политического кризиса и создавая реальную угрозу ядерной войны Пакистана с Индией, а Израиля – с Ираном.

Второй стратегией поддержки экономики США была «накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов. Созданный ей финансовый пузырь начал «ползти по швам» еще летом 2006 года, но многоуровневость финансовой инфраструктуры США привела не к мгновенному краху, но к длительной агонии, перешедшей в открытую форму только в сентябре 2008 года.

Точка зрения

Сегодня Запад пытается не повысить свою конкурентоспособность, но просто запихнуть мир обратно в уже уходящие навсегда 1990-е и 2000-е годы, когда под видом разговоров о глобализации сложился по сути дела новый колониализм.

Органическая неспособность США поступить даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же собственных стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых участников – Евросоюз, Китай и, если у нашего руководства хватит интеллекта, Россию, и кладет конец *Pax Americana*.

Необходимо создать качественно новую глобальную финансовую систему. Наиболее насущные изменения, сформулированные еще в ходе кризиса 1997—1999 годов, очевидны и вполне реализуемы технологически – если забыть о политически блокирующем их противоречии текущим интересам США. Среди этих изменений:

- *обеспечение прозрачности движения спекулятивных капиталов (в перспективе – и всех глобальных корпораций с созданием глобального наблюдательного, а затем и регулирующего органа);*

- *превращение налога на вывод спекулятивного капитала из экстремальной меры (в кризисе 1997—1999 года применение его аналога спасло экономики Чили и Малайзии) в нормальный, признанный мировым сообществом инструмент экономического регулирования, применяемый национальными правительствами при определенных, заранее известных условиях;*

- *приведение влияния различных стран на политику глобальных финансовых институтов (в первую очередь МВФ и Мирового банка) в соответствие их удельному весу в мировой экономике (что означает снижение влияния США и рост влияния Китая);*

- *обеспечение прозрачности работы МВФ и Мирового банка, вплоть до открытой публикации и обсуждения их методических материалов (в том числе на стадии разработки);*

- *превращение «большой восьмерки» в орган глобального регулирования, что требует включения в нее всех стран мира, ВВП которых не ниже минимального в нынешней «большой восьмерке» ВВП Канады (это означает превращение G8 в G11 за счет принятия в нее Китая, Бразилии и Испании; при снижении порогового уровня ВВП с 1,6 до 1,0 млрд долл. G8 превращается в G14 за счет Индии, Мексики и Австралии; возможно дальнейшее расширение за счет Южной Кореи, ВВП которой в 2008 году ожидается на уровне 0,95 трлн долл., и Нидерландов с ВВП 0,91 трлн долл.), а главное – выработки процедуры*

принятия обязательных для всех его членов решений.

Насколько можно понять, к настоящему времени интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь человечество вынуждено уменьшить ее глубину, отступив назад и частично восстановив управляемость за счет примитивизации процессов развития.

На практике это обернется переходом от глобализации к регионализации: формированию укрупненных макрорегионов, ведущих между собой жесткую культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию.

В частности, можно предположить, что равновесие будет временно достигнуто восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве совокупного балансира – специфичного аналога Движения неприсоединения) в политике и поливалютной – в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту).

Однако фундаментальная проблема современного развития заключается не в эгоизме США, не в нехватке ликвидности, не в кризисе долгов и даже не в системной утрате собственниками контроля за собственными топ-менеджерами, но в **отсутствии источника экономического роста США**, а с ними – и всей мировой экономики. Даже оздоровление финансов США не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что **из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и достаточно тяжелую.**

3.2. Глобальные монополии против технологического прогресса

Фундаментальная причина новой мировой депрессии, первопричина кризиса перепроизводства – глобальное загнивание глобальных монополий.

Их монополизм усугубляется изменением характера самого технологического прогресса – распространением высокопроизводительных «метатехнологий», использующий которые субъект рынка лишается самим фактом использования возможности конкуренции с их разработчиком (такие «метатехнологии» играют роль специфической рыночной инфраструктуры; рост значения инфраструктурного фактора естественным образом сокращает относительную значимость пространства конкуренции).

Развитие и усложнение технологий ведет к тому, что **деньги теряют значение**: символом

успеха и инструментом его достижения все в меньшей степени становятся легко отчуждаемые деньги и все больше – сливающиеся со своими разработчиком и пользователем, все менее отчуждаемые от них технологии.

Однако, несмотря на это, загнивание глобальных монополий будет, скорее всего, преодолевать так же, как и загнивание монополий обычных: сменой технологического базиса, в ходе которого новые, более производительные технологии сломают устаревшие социальные отношения и, в частности, преодолеют монополизм.

Глобальные монополии если и не сознают, то ощущают это и стремятся затормозить способный подорвать их доминирование технологический прогресс.

Впрочем, прежде всего он тормозится по объективным причинам: из-за экономизации и деидеологизации процесса общественного управления, исчезновения сверхзадач и заменой их мотивом прибыли. Ведь инвестиции в создание качественно новых технологических принципов нерыночны по определению: инвестор не знает, получит ли он за свои деньги хоть что-нибудь, а если получит – то когда и что именно. Такие инвестиции можно делать лишь под страхом смерти (поэтому военные расходы – лучший способ стимулирования технологий); предпринятая в 1990-е попытка заменить его страхом отложенной смерти и превратить в локомотив развития медицинские технологии, провалились под тяжестью appetites монополий: страх отложенной смерти оказался слишком слабой мотивацией.

В результате все технологические новинки современности представляют собой плоды коммерциализации технологических решений «холодной войны». Новые технологические принципы практически не создаются, и причина этого – не только изменение характера развития человечества (которое все в большей степени как было показано выше, переходит от преобразования природы к преобразованию себя, от high-tech'a к high-hume'y), но и экономизация его мотиваций.

Однако свою роль играют и глобальные монополии, которые в погоне за сверхприбылями усложняют и удорожают свою продукцию. Кроме того, они создают все более сложные и дорогие технологии потому, что их разработка вне данных монополий просто невозможна из-за сложности организационных схем и дороговизны. Однако при этом они попадают в собственную ловушку: сложность организационных процессов начинает превышать управленческие возможности даже самих глобальных монополий, а рыночная ориентация

на результат сужает возможности прорывных исследований с непредсказуемым исходом.

При этом глобальные монополии (в том числе в силу злоупотребления своим положением под видом защиты интеллектуальной собственности) препятствуют распространению знаний, что также усложняет технологический прогресс, делает его более затратным и способствует его торможению.

Для них наиболее важно не допустить качественного упрощения и удешевления технологий, которое расширит их доступность и снизит возможности и уровень монополизации рынков.

Между тем методы такого упрощения и удешевления становятся все более известными. Пример, показывающий магистральное направление развития технологий, – операционная система Linux, отрицающая наличие интеллектуальной собственности как фактора сдерживания технологического прогресса. В силу бесплатности она теснит Windows в ряде сегментов мирового рынка.

До прорыва дело пока не дошло даже здесь: глобальная монополия Microsoft сохраняется. В целом на мировых рынках позиции глобальных монополий, как правило, не ставятся под сомнение, так что этот пример остается вдохновляющим и обнадеживающим, но исключением, – или, если угодно, предвестием.

Уверенность в неизбежности радикального упрощения и удешевления господствующих технологий основана на невозможности длительного масштабного торможения технологического прогресса и очевидности технологического, экономического и социально-политического тупика, в который привело мир доминирование уже загнивающих глобальных монополий.

3.3. Негативный и позитивный пути изживания глобального монополизма: выбор современного человечества

Упрощение и удешевление господствующих технологий будет болезненным, в том числе из-за сопротивления сегодняшних «хозяев мира» – глобальных монополий. Но нет оснований ждать изменения одной из фундаментальных закономерностей развития, по которому социальные и административные механизмы, искусственно (то есть в отсутствие природных предпосылок к этому) сдерживающие технологический прогресс, разрушаются им.

Однако не следует забывать, что в тех случаях, когда указанные механизмы (в нашем случае – глобальные монополии) оказываются достаточно прочны, они могут разрушаться не сами по себе, но вместе с самим охваченным ими и затормозившим

Точка зрения

под их воздействием свою технологическую эволюцию обществом. Это возможно под ударами внешних завоевателей, из-за экологических катаклизмов (включая эпидемии смертельных болезней), вызванных чрезмерным воздействием на природу, а также в случае генерирования ими внутренней дестабилизации общества – через социальные или этнические по своим внешним проявлениям конфликты.

В частности, одним из нетривиальных временных выходов из ситуации недостаточности спроса для развития чрезмерно сложных технологий, контролируемых монополиями, может стать сужение сферы их применения при сохранении прежних доходов разработчиков технологий – глобальных монополий. Это возможно в случае новой интенсификации злоупотребления монопольным положением: если потребители сложных технологий будут помимо своей воли и неосознанно (как это сейчас происходит с интеллектуальной собственностью) оплачивать разработку качественно новых технологий, несущих благо уже не им, но наиболее развитой части человечества. Возможно, эти качественно новые технологии будут призваны ускорить развитие той части человечества, которая принципиально (и непредставимо с сегодняшних позиций) изменится и перестанет нуждаться в традиционных формах конкуренции и кооперации.

Это звучит фантастично – но лишь в отношении биологической, индивидуальной эволюции человека. В отношении эволюции социальной описанные события уже произошли: это создание и распространение не только традиционных «высоких» технологий при помощи системы защиты «интеллектуальной собственности», но и общедоступных технологий формирования сознания. Указанные технологии применяются всеми и против всех, но основная часть дохода достается их разработчикам.

При распространении этих же отношений на биологическую эволюцию человека обеспеченная часть граждан развитых стран и богатейшие жители остального мира получают возможность усовершенствовать свой организм (в том числе не представимым сегодня образом) и, вероятно, свои мыслительные способности.

В силу их возросшей эффективности остальной мир превратится не более чем в их «дойную корову» – и, при вероятном сохранении формальных демократических институтов и процедур, будет иметь не больше реальных прав и возможностей, чем это в высшей степени достойное и уважаемое животное.

Тогда в мире сложится модель спроса, характерная для неразвитых стран (и для феодализма) и заключающаяся в концентрации подавляющей

части спроса у количественно незначительной, но доминирующей экономически и политически богатейшей элиты с выделением из общества ее хорошо оплачиваемой услуги. Для остальных характерна нищенская по уровню потребления, а со временем и по типу потребительского поведения модель спроса.

Единственное эффективное рыночное поведение в таком обществе – ориентация на спрос богатых, готовых переплачивать за престижность потребления, что вслед за структурой спроса уродует и структуру производства, подрывая эффективность общества и его способность к развитию.

Это исторический тупик, выход из которого связан с чудовищными катаклизмами (Францию, например, потрясло революциями почти сто лет – как минимум с 1789 по 1871 год). Разложившись, человечество может и погибнуть в этом тупике физически или десоциализовавшись; таким образом, описанный выход будет носить временный и, по сути, фиктивный характер.

Выбор между разрушением глобальных монополий за счет широкого распространения новых, эффективных и при этом общедоступных технологий и концентрацией технологического прогресса в богатейших обществах – с вероятными разрушительными катаклизмами и возможной общей гибелью в последующем – и является выбором современного человечества.

Как обычно, он будет делаться неосознанно, стихийно и хаотически – под воздействием инстинктов и эмоций, а не рассуждений; однако теперь это будет отражать не слабость человечества, но его растущую силу – повышение эффективности сознания за счет его изменения: перехода от логического мышления к творческому и, возможно, от индивидуального к коллективному.

Реализация обеих этих моделей «в чистом виде» невозможна, но, хотя в практику пробьются отдельные элементы и отвергнутой модели, одна из них неизбежно будет преобладать.

Рассматривая выбор между «железной пятой» немногочисленной биологически преобразованной мировой элиты и созданием для максимально широкой части человечества максимального спектра возможностей, надо понимать, что он в любом случае не избавит нас от болезненных изменений.

Более приемлемая модель относительно доступных технологий обладает массой недостатков и также несправедлива во многом и ко многим. Достаточно осознать, что общедоступность технологий резко снижает потребность в глобальном разделении труда и, повышая уровень самообеспечения обществ, драматически подрывает мировую торговлю.

Однако она все равно неизмеримо **более эффективна и справедлива, так как оставляет возможности развития, самореализации и благосостояния неизмеримо большему числу отдельных людей, обществ, цивилизаций** и, соответственно, человечеству в целом.

Необходимый для слома глобального монополизма технологический рывок может идти за счет технологий, получивших название «закрывающих», так как из-за их сверхпроизводительности емкость создаваемых ими новых рынков в краткосрочной перспективе существенно ниже емкости рынков традиционных технологий, «закрываемых» их появлением.

Исторически «закрывающие» технологии наиболее концентрированно разрабатывались в ходе специальных исследований в Советском Союзе. В развитых странах такие разработки частью не велись вовсе (из-за своей опасности для рыночных механизмов и потому, что рыночная экономика не позволяет массово тратить ресурсы на слишком рискованные разработки), а частью блокировались патентными механизмами и другими инструментами «защиты интеллектуальной собственности». С точки зрения эволюции технологий разрушение Советского Союза выглядит как захоронение смертельно опасных для развитого мира технологий – своего рода аналоги бактерий чумы – в одном гигантском могильнике.

В сегодняшней России глобальные и российские монополии в союзе с коррумпированной бюрократией блокируют распространение «закрывающих» технологий. Однако их значительная часть сохраняется, и потому Россия теоретически сохраняет возможность сыграть ключевую роль в выборе человечества между длительным и мучительным загниванием или же сломом глобального монополизма при помощи распространения новых, «закрывающих» технологий.

4. Закон сохранения рисков: природа переформирует отношения с человеком

Безумный, вышедший из-под всякого контроля рост американских производных ценных бумаг, задача заведомо безвозвратных ипотечных кредитов и многоуровневая «перепаковка рисков», ставшие непосредственными причинами глобального финансового кризиса, производят на неподготовленного наблюдателя шоковое впечатление.

В самом деле, трудно себе представить, почему инвестиционных банкиры не только США, но и большинства развитых стран – здоровые, вполне рациональные, высоко профессиональные и хорошо образованные люди – в принципе не могли оценить риски приобретаемых ими финансовых

продуктов и даже не понимали, чьи конкретно обязательства и в какой степени в них входят.

Стандартные объяснения, помимо естественной для спекулянта (пусть даже и финансового) алчности, указывают на объективную потребность американской экономики в накачивании спекулятивного «финансового пузыря» для стимулирования продолжения ее роста. Кроме того, понятно, что увеличение объема ипотеки (в том числе и даже в особенности безвозвратной) представлял собой замаскированный (так как американская идеология плохо воспринимает саму идею социальной помощи) способ обеспечения социальной помощи, необходимой в условиях стремительного размывания (а говоря проще, разорения) американского «среднего класса».

Эти объяснения правильны, но они носят макроэкономический характер, объясняя общественную потребность в этих вопиющих безобразиях.

Между тем, помимо общественной потребности, существовала еще и потребность инвесторов, – и вот эту причину кризиса, лежащую на микроуровне, на уровне отдельных субъектов экономики, наблюдатели предпочитают тактично не замечать.

А ведь многоуровневая «перепаковка рисков», приведшая к полной утрате регулирующими органами (не говоря уже о субъектах рынка) всякого контроля за обращающимися на рынках обязательствами, выполняла важнейшую экономическую функцию – страхование рисков инвесторов.

И на этом пути были достигнуты выдающиеся успехи: благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора, вкладывающего свои средства в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок – примерно в десять раз! – ниже рисков самой этой корпорации.

Это позволяло получать практически гарантированную доходность, и именно выполнение указанной инвестиционно необходимой функции обеспечило бурное развитие деривативов и, соответственно, раздувание спекулятивного «финансового пузыря».

США, – а с ними и весь мир, так как их экономика является основой мировой, – столкнулись с действием закона сохранения рисков, по которому **общая величина рисков в большой системе примерно постоянна**. В результате снижение индивидуальных рисков значимого числа элементов этой системы неминуемо ведет к перекладыванию этих рисков на более высокий уровень – и, соответственно, к нарастанию общесистемных рисков.

Точка зрения

В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что это, как правило, обеспечивает разрушение системы.

Именно это произошло в американской финансовой системе, — но ведь это же происходит и с человечеством в целом!

Так, постепенное улучшение системы здравоохранения, позволяя не просто выживать, но и жить все более полноценной жизнью даже самым больным людям, ухудшая тем самым генофонд человечества, существенно повышая системные, общечеловеческие риски за счет существенного снижения индивидуальных, личностных рисков.

Ухудшение генофонда проявляется, в частности, в распространении новых болезней, не поддающихся не только лечению, но порой и диагностированию; их список, помимо гепатитов С и Д, а также знаменитого СПИДа, не так давно пополнил «птичий грипп», обладающий весьма подозрительной расовой избирательностью.

Весьма значимым с этой точки зрения представляется и рост смертности от онкологических заболеваний.

По данным исследователей из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уже к 2010 году основной причиной смерти людей станет рак, а к 2030 году число смертей от него может вырасти более чем вдвое. Специалисты ВОЗ считают, что только в 2009 году число случаев заболевания раком составит в мире 12 млн, а количество смертей от данного недуга — 7 млн. К 2030 году ожидается, что ежегодное число случаев заболеваемости раком будет составлять 27 млн, а количество смертей от онкологических заболеваний достигнет 17 млн. Ежегодный прирост заболеваний и смертности от рака составит 1%, а Китае, России и Индии данный показатель будет расти ускоренными темпами. Основной причиной такой ситуации считается увеличение количества курящих людей в развивающихся странах, особенно в Китае и Индии, где живет 40% всех курильщиков мира. Рак является одной из главных проблем развивающихся стран в области здравоохранения: в бедных обществах он убивает больше людей, чем ВИЧ, малярия и туберкулез.

Конечно, отчасти причиной роста заболеваемости раком является удлинение человеческой жизни.

Ведь еще в начале XX века главными причинами смерти были травмы и инфекционные заболевания, в том числе эпидемии и туберкулез, от которого умирал, в частности, каждый третий житель Петербурга. Когда эти причины смерти были побеждены здравоохранением — дизентерию, холеру

и тиф стали достаточно эффективно лечить, туберкулез прививать еще в роддоме, об оспе и чуме стали вообще забывать, — на первое место выдвинулись причины смерти, являющиеся как бы «естественными»: атеросклероз сосудов и злокачественные новообразования.

Многие исследователи даже считают, что эти два недуга просто представляют собой механизм «естественной смерти» для организма всякого млекопитающего — не только человека. Однако в развитых странах разработали методики вмешательства, в том числе и хирургические, позволившие резко продлить жизнь человека, страдающего ишемической болезнью сердца, в результате чего на первое место в развитых странах выходит бывший «убийца номер два» — рак.

Грубо говоря, те, кому было суждено умереть от инфаркта, и кто избежал этой участи благодаря медицине, теперь должен «дожить» до своей «второй естественной смерти» — от рака. То есть выход онкологических заболеваний на первое место среди убийц человечества вызван удлинением средней продолжительности жизни.

Но эта причина касается лишь развитых стран с их высокоэффективной медициной и системой профилактики, действительно способной позволять человеку избегать смерти от атеросклероза сосудов и с большей степенью вероятности «доживать» до рака. По крайней мере, в Индии и Китае говорить о подобных массовых достижениях здравоохранения пока еще рано, — а значит, данная гипотеза не объясняет основную часть прироста смертей от онкологических заболеваний, то есть является по своему значению второстепенной.

Другим фактором проявления «закона сохранения рисков» в общепланетарном масштабе представляется изменение климата. Сейчас уже ясно, что картина значительно сложнее вульгарного «глобального потепления», которым нас привыкли пугать: происходит именно изменение климата, различное в различных регионах планеты: мягкий климат становится мягче, континентальный — континентальнее, и эта картина дополняется спорадическими аномалиями вроде сильных холодов в традиционно теплых районах.

Обеспечивая индивидуальный комфорт своих членов, человечество нарастило производство энергии до такого уровня, когда оно нарушило климатический баланс планеты и создало качественно новые глобальные риски, масштабы которых в настоящее время не поддаются оценке доступными нам средствами.

Рост стихийных бедствий и климатических аномалий, опережающий рост сложности технологической организации человечества, рост не под-

дающихся лечению или слабо диагностируемых заболеваний, ухудшение психологического состояния людей, падение качества управления, рост разнообразных вооруженных конфликтов, — каждое из этих явлений по отдельности имеет свое собственное, отличное от других, связанное исключительно с соответствующей сферой объяснение.

Однако в целом они складываются в картину роста неблагополучия, свидетельствующую об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к какой-то новой модели такого взаимодействия, которая еще непонятна для нас, но может потребовать существенных изменений привычного нам образа жизни.

Нельзя исключать и опасности деструкции не способного справиться с нарастанием своих системных рисков человечества, то есть значимое упрощение его внутренней организации, десоциализация уже на планетарном уровне, а не только в рамках отдельных обществ.

В поисках новой стабильности

Осознание описанного делает необходимой выработку новой парадигмы социально-экономического и технологического развития человечества и механизмов воплощения этой парадигмы в жизнь.

«Вашингтонский консенсус» оформил правила игры, максимально отвечавшие сути 1990-х годов — освоению развитыми странами (точнее, транснациональными корпорациями) постсоциалистического пространства. Этот процесс (причем давно, с началом кризиса 1997 года) закончился, и нынешний кризис представляет собой в том числе и кризис модели развития, выработанной для осуществления этого процесса и намного его пережившего.

Наступил новый этап, для которого нужна но-

вая идеология, новый свод правил общих правил взамен Вашингтонского консенсуса («новые Бреттон-Вудские соглашения», о которых грезят аналитики, невозможны как жанр из-за слишком большой детализации: сначала надо определиться с принципами).

Глобальный кризис во многом вызван тем, что погоня за индивидуальной прибылью как доминанта общественного поведения стала контрпродуктивной, разрушающей человеческие общества и человечество в целом. Нужна интеллектуальная революция, формирование нового типа мышления (предтечей которого, хотя и неудачной, стал Горбачев), которое выведет человечество из тупика не за счет уничтожения той или иной его части, а благодаря общему прогрессу.

В новой эпохе развития человечества необходимо:

1. Осознать его суть (не причины, почему старый порядок перестал работать, и не характер его саморазрушения, а именно ключевую идею, тенденцию нового периода развития) и выразить ее в виде идеологии.

2. Определить модель предстоящего развития человечества.

3. Определить основные проблемы (противоречия), которые предстоит решать в рамках этой модели и которые будут определять (как источники и как рамки) развитие в рамках этой модели.

4. Выработать конкретные рекомендации и «правила игры» для международных организаций, правительств и бизнеса разного уровня (транснационального, национального, межрегионального) — аналог Вашингтонского консенсуса («Московский консенсус»).

5. Формировать общественное мнение и господствующие в элитах различных обществ представления, направленные на гармонизацию развития человечества в новых условиях.

1. Автор благодарен Ю.Ю.Болдыреву, впервые обратившему на это внимание.